

Ася Тихая

Спасибо
за всё

Доверие по кусочкам

18+

Ася Тихая

Доверие по кусочкам

<https://litres.ru/74613488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня привыкла всё держать в себе: не жаловаться, не показывать, когда тяжело, не просить о помощи. А Лёша учится не заполнять тишину пустыми обещаниями, а просто быть рядом.

Их отношения сейчас похожи на пазл, где многие детали потерялись. Но они начинают собирать заново: кусочек за кусочком. Один честный разговор. Одна маленькая забота. Один вечер, когда можно не притворяться, что всё в порядке.

Доверие по кусочкам — о том, как трудно позволить себе быть уязвимым и как много значит тот, кто не отворачивается, когда ты наконец говоришь: Мне сегодня тяжело

Содержание

Глава 1 Круассан с шоколадом	4
Глава 2 После дождя	7
Глава 3 Первый совместный шаг	11
Глава 4 День, когда стало чуть легче дышать	16
Глава 5 Когда тишина перестала пугать	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ася Тихая

Доверие по кусочкам

Глава 1 Круассан с шоколадом

Дождь шёл уже третий день подряд, будто город решил смыть всё лишнее и оставить только самое важное. В квартире пахло мокрым асфальтом и корицей — сосед опять что-то пёк, и этот запах странным образом делал даже самый серый вечер чуть теплее. Аня стояла у окна и смотрела вниз, на двор, где фонари зажигались один за другим, будто кто-то аккуратно ставил точки в конце длинного, трудного дня. На подоконнике остывал чай, к которому она так и не притрунулась. За спиной скрипнула дверь. Она не обернулась сразу — просто почувствовала, как в комнате стало не так пусто. — Ты опять стоишь у окна, — тихо сказал Лёша. — Будто ждёшь, что дождь сам собой закончится, если смотреть на него подольше. Она чуть улыбнулась, но всё ещё не повернулась. — Может, и так, — ответила она. — Или жду, что он просто перестанет быть таким громким. Он подошёл ближе, но не вплотную — оставил между ними ровно столько пространства, сколько ей сейчас было нужно. Положил на стол пакет из пекарни. — Взял твой любимый круассан. С шоколадом. Знаю, ты говорила, что не хочешь есть, но... пусть

будет. Просто пусть будет. Аня наконец повернулась. В его глазах не было ни оправданий, ни громких слов, ни попыток всё исправить одним махом. Только тихое: «я тут». — Спасибо, — сказала она, и это слово прозвучало непривычно тяжело, будто в нём уместилось сразу всё: и «прости», и «мне было страшно», и «я не знала, как сказать». Лёша кивнул, будто понял всё без объяснений. — Я не буду обещать, что всё сразу станет легко, — сказал он. — И не буду говорить «забудем». Но я хочу, чтобы ты знала: я слушаю. Даже если ты просто скажешь «сегодня было тяжело». Даже если это всё, что у тебя есть. Аня посмотрела на круассан, потом снова на него. И вдруг поняла, что самое сложное — не прощать, а позволить себе принять эту маленькую заботу. Не искать подвоха, не ждать, что за ней последует требование «а теперь ты тоже сделай что-то для меня». Просто взять и сказать: «Спасибо, мне правда это нужно». Она взяла круассан и улыбнулась — на этот раз по-настоящему. — Знаешь, — сказала она, — сегодня правда было тяжело. И я не хочу делать вид, что нет. Но вот этот круассан... он как будто кусочек чего-то хорошего. Маленький, но свой. Лёша сел на табурет у кухонного стола, не пытаясь занять всё пространство комнаты, не пытаясь заполнить тишину словами. — Тогда давай собирать из таких кусочков, — спокойно сказал он. — Не всё сразу. Не целиком. А вот так: один день, один круассан, одно «мне было тяжело» и одно «я тут». И пусть этого пока хватит. Они сидели в полумраке, пока за окном продолжал идти

дождь, и тишина между ними уже не была колючей. Она становилась мягкой, как плед, в который хочется завернуться, когда на улице холодно. «Доверие по кусочкам», — подумала Аня. Не вспышка, не клятва, не обещание, что теперь всё всегда будет идеально. А вот это: он пришёл, принёс круасан, не стал давить, просто остался рядом. И этого сегодня было достаточно.

Глава 2 После дождя

Дождь наконец стих, но город ещё не успел высохнуть: тротуары блестели, как тёмное стекло, а воздух пах мокрой листвой и бензином — осенним, резким, почти лекарственным. Аня шла по знакомому маршруту от остановки до дома, сунув руки глубоко в карманы, и впервые за несколько дней замечала детали: как свет фонаря ложится жёлтым пятном на лужу, как в витрине закрытого киоска отражается её усталое, но уже не такое напряжённое лицо.

Вчерашний вечер с Лёшей будто сдвинул что-то внутри — не до конца, не до «всё снова хорошо», но до «можно дышать чуть свободнее». И теперь ей хотелось не прятаться от этого чувства, а удержать его, как держат в ладонях тёплую чашку, боясь расплескать.

Когда она поднялась на свой этаж, Лёша уже стоял у двери — не как спаситель, не как герой, а просто как человек, который решил быть тут. В руках у него был бумажный стаканчик с кофе и пакет из той самой пекарни.

— Я подумал, что если вчера был круассан, то сегодня должен быть кофе, — неловко улыбнулся он. — Чтобы это стало... ну, вроде ритуала. Если ты не против.

Аня улыбнулась в ответ — и в этой улыбке было столько облегчения, что Лёша даже чуть выдохнул, будто боялся, что она снова уйдёт в себя.

— Не против, — сказала она, доставая ключи. — Даже очень «за».

Они зашли в квартиру, сняли куртки, и тишина теперь не висела между ними тяжёлой занавеской, а лежала спокойно, как старый плед — знакомая, привычная, не пугающая. Аня села на край дивана, поставила стаканчик на столик, а Лёша не стал сразу занимать место рядом. Сначала он просто прошёл на кухню, открыл шкафчик, достал две тарелки, поставил чайник — делал обычные вещи, будто показывая: «Я здесь не ради большого разговора. Я здесь, чтобы вместе прожить этот обычный день».

Потом он вернулся, сел на другой край дивана — достаточно близко, чтобы чувствовать тепло, но достаточно далеко, чтобы не давить.

— Знаешь, — тихо начал он, — я много думал. Не про то, как всё исправить одним махом, а про то, что мне самому страшно. Страшно сделать шаг, а потом услышать: «Не надо». Страшно хотеть быть рядом и не знать, нужен ли я сейчас.

Аня подняла на него глаза. В них не было ни упрёка, ни желания всё сгладить. Только честность.

— Мне тоже страшно, — призналась она. — Страшно, что если я скажу «мне тяжело», ты подумаешь, что я тебя обвиняю. Или что я слабая. Или что это навсегда. А это не навсегда. Это просто сегодня тяжело.

Лёша кивнул, будто наконец услышал то, что искал.

— Тогда давай так, — предложил он. — Если тебе тяжело — просто скажи: «Сегодня тяжело». И я не буду обещать, что всё станет легко. Я просто скажу: «Я тут». И, может быть, принесу кофе. Или круассан. Или просто посижу рядом.

Она улыбнулась, и в этой улыбке уже не было напряжения — только тихая благодарность.

— А если тяжело станет тебе? — спросила она.

Он на секунду задумался, будто сам впервые разрешил себе эту мысль.

— Тогда я попробую сказать тебе, — признался он. — Потому что раньше я думал, что должен всё держать в себе. Что если покажу, что мне непросто, ты подумаешь: «Ну вот, ещё и с ним надо разбираться». А сейчас... сейчас мне хочется верить, что ты просто скажешь: «Я тут».

Аня потянулась к стаканчику, сделала глоток — кофе был чуть горьковатый, но тёплый, и этот вкус вдруг стал ощущением: день ещё не идеальный, но он уже не плохой.

— Тогда это наш ритуал, — сказала она. — Кофе по утрам. Круассан, когда день тяжёлый. И право сказать: «Мне сейчас непросто». Без чувства вины.

Лёша улыбнулся, и между ними будто легла ещё одна деталь пазла — не яркая, не громкая, но нужная.

— И ещё одно, — добавил он, чуть тише. — Давай не будем обещать друг другу «всё будет хорошо». Потому что иногда не будет. Но будем обещать: «Я не уйду».

Аня посмотрела на него долго, без спешки, будто прове-

ряя, звучит ли это внутри как правда. И поняла, что звучит.

— Хорошо, — прошептала она. — «Я не уйду» — это то, что мне сейчас нужно больше любых обещаний.

Они посидели так ещё немного: не в идеальной гармонии, не в полном согласии, а в том самом хрупком, но настоящем равновесии, когда двое учатся доверять не сразу, не целиком, а по кусочкам. И каждый кусочек — это слово, взгляд, кофе в бумажном стаканчике и тихое «я тут».

Глава 3 Первый совместный шаг

На третий день небо наконец стало светлосерым, почти дружелюбным — будто решило, что хватит давить тяжестью, пора дать воздуху чуть больше простора. Дождь ушёл, оставив после себя мокрые тротуары, лужи с отражениями домов и этот особенный запах осени: сырой листвы, остывшего асфальта и чего-то едва уловимо свежего, как обещание, что день может быть не только про «пережить».

Аня стояла у подъезда, куталась в шарф и смотрела на остановку, где автобусы появлялись и исчезали, будто кадры из чужого фильма. В кармане лежал телефон, на экране — сообщение от Лёши: *«Если хочешь, можем просто прийти до пекарни и обратно. Без спешки. Или вообще никуда. Что тебе сейчас ближе»*.

Она улыбнулась — не широко, а так, потихому, когда внутри что-то чуть-чуть расправляется, как смятый лист бумаги, который аккуратно разглаживают пальцами. Нажала «Хочу до пекарни. Если ты не торопишься». Ответ пришёл почти сразу: *«Уже иду. Пять минут»*.

Через пять минут он действительно появился — в той же куртке, с чуть взъерошенными от ветра волосами, и в руках у него не было ни кофе, ни круассана. Просто он был. И этого оказалось достаточно.

— Привет, — сказал Лёша, останавливаясь рядом, но не

вплотную. — Ветер сегодня такой, будто хочет всё перемешать: мысли, запахи, даже шаги.

Аня кивнула, пряча улыбку в воротник.

— Зато он выдувает лишнюю тишину, — ответила она. — Та, что раньше давила, теперь просто... есть. И не режет.

Они пошли не спеша, подстраиваясь друг под друга так, будто это не требовало усилий, а происходило само собой: один чуть замедляется, другой чуть ускоряется — и вот уже шаг в шаг.

По дороге Аня вдруг заметила, что смотрит не только под ноги, а ещё и по сторонам: на витрину цветочного, где среди астр и хризантем стоял одинокий подсолнух, на вывеску старой булочной с облупившейся краской, на кота, который важно шёл по ограждению, будто знал, что за ним наблюдают. И впервые за долгое время эти мелочи не казались фоном, который хочется поскорее пролистать. Они были просто деталями дня — не обязательными, но настоящими.

— Знаешь, — сказала она, когда они остановились у пешеходного перехода, дожидаясь зелёного, — мне раньше казалось, что, если мне тяжело, нужно либо всё исправить сразу, либо спрятать это так глубоко, чтобы никто не заметил. А теперь... теперь я думаю, что можно просто сказать: «Сегодня мне непросто». И не ждать, что ты тут же всё починишь.

Лёша кивнул, не отводя взгляда от дороги, будто хотел, чтобы слова легли ровно, без суеты.

— А мне казалось, что если я буду рядом, то должен быть

тем, кто всё решает, — тихо признался он. — Что если скажу: «Мне тоже бывает тяжело», это станет ещё одной проблемой для тебя. А сейчас понимаю: если мы оба скажем это друг другу, это не проблема. Это просто двое, которым бывает непросто. И они не одни.

Светофор переключился, и они шагнули на переход — вместе, но каждый со своим грузом, который теперь не нужно было прятать или тащить в одиночку.

В пекарне пахло ванилью, дрожжевым тестом и чемто уютным, почти домашним. Аня остановилась у витрины, рассматривая круассаны, булочки, пироги, и вдруг почувствовала, что впервые за несколько дней ей действительно хочется чегото. Не «надо поесть», а «хочу вот это».

— Возьмём тот, с миндальной пастой? — спросила она, показывая на круассан. — Или ты чтото другое любишь?

Лёша улыбнулся, будто услышал чтото очень важное.

— С миндальной — отлично, — ответил он. — А ещё давай возьмём какао. Тёплый, густой, чтобы прямо чувствовалось, что на улице прохладно, а внутри — чуть теплее.

Пока бариста готовила заказ, Аня стояла у стойки и вдруг поняла, что не боится паузы. Не торопится заполнить её словами, не ищет, что бы такого сказать, чтобы всё выглядело нормально. Пауза была просто паузой. И в ней тоже умещалось доверие — не громкое, не клятвенное, а тихое, как дыхание рядом.

Они вышли с бумажными стаканчиками и пакетами, свер-

нули в небольшой сквер, где скамейки ещё были сырыми, но солнце уже начинало прогревать их края. Сели не рядом, а так, чтобы между ними оставалось место — но не пустота, а пространство, в котором можно было повернуться, если захочется.

Аня откусила круассан: миндальная паста была чуть сладкой, тесто — хрустящим снаружи и мягким внутри. И этот вкус вдруг стал маленьким якорем: вот он, момент, который можно удержать.

— Спасибо, — сказала она, глядя не на Лёшу, а кудато чуть в сторону, на дерево, чьи ветки тянулись к небу, будто хотели дотянуться до света. — Не за круассан и не за какао. А за то, что ты не делаешь вид, что всё легко. И не делаешь вид, что мне нужно быть сильнее, чем я есть.

Лёша отпил какао, кивнул.

— И тебе спасибо, — ответил он спокойно. — За то, что не делаешь вид, что тебе не тяжело. Это ведь тоже смелость.

Они посидели так ещё немного, пока ветер потихоньку стихал, а город вокруг начинал звучать поновому: не как место, где всё давит, а как место, где можно идти рядом, не обещая друг другу идеальных дней, но обещая, что будут эти маленькие ритуалы — круассан, какао, честный разговор, тишина, которая больше не пугает.

Когда они встали, чтобы идти обратно, Аня вдруг почувствовала, что шаг даётся чуть легче. Не потому, что всё стало хорошо, а потому, что теперь у неё было место, куда можно

принести свою тяжесть и знать: её не оттолкнут.

— Если завтра будет снова дождь, — сказала она, застёгивая куртку, — я, наверное, опять постою у окна. Но, может, уже не так долго.

Лёша улыбнулся.

— А я, может, снова приду, — спокойно ответил он. — С кофе. Или без. Просто чтобы ты знала: я тут. И если день будет тяжёлым — мы соберём его из кусочков. Как вчера. Как сегодня.

Аня кивнула. И в этом кивке было столько тихого согласия, что оно прозвучало громче любых обещаний.

День не стал идеальным. Но он стал своим — не чужим, не давящим, а тем, в котором можно дышать. И этого пока хватало

Глава 4 День, когда стало чуть легче дышать

Утро выдалось неожиданно солнечным — таким, когда свет ложится на подоконник не серым пятном, а настоящей, тёплой полосой. Аня проснулась раньше обычного и сначала даже не поверила: за окном не было ни тяжёлой свинцовой тучи, ни морозящей сырости. Вместо этого — прозрачный воздух, в котором каждое движение казалось чуть легче.

Она подошла к окну, привычно ожидая увидеть привычную серость, но город выглядел по-другому: мокрый асфальт блестел, как полированный камень, лужи отражали небо, а деревья, сбросившие почти всю листву, стояли будто обнажённые, но не уязвимые, а свободные от лишней тяжести.

На телефоне мигнуло уведомление — сообщение от Лёши: *«Сегодня солнце. Если хочешь, можем просто пройтись по тем улицам, где его больше. Или можем остаться дома и пить чай. Что тебе ближе?»*

Аня улыбнулась. В этом «что тебе ближе» было столько бережности, что внутри что-то тихо расправилось. Она набрала ответ: *«Давай пройдемся. Хочу посмотреть, как город выглядит, когда ему не нужно быть серым».*

Через полчаса Лёша стоял у подъезда — в той же куртке, но теперь в ней не было ничего вынужденного, никакого на-

прращения. Он просто пришёл. И ждал спокойно, будто знал: спешить некуда.

— Привет, — сказал он, когда она подошла. — Смотри, даже тени сегодня другие. Не такие длинные и тяжёлые.

Аня кивнула, кутаясь в шарф, но уже не так плотно, как раньше.

— Да, — согласилась она. — Будто город решил: хватит прятаться.

Они пошли не по привычному маршруту, а в обход, туда, где узкая улочка упиралась в маленький сквер, а скамейки стояли лицом к солнцу. По дороге Аня вдруг поймала себя на мысли, что не считает шаги до дома, не думает, как бы поскорее укрыться от ветра, не прячется в капюшон. Она просто шла рядом.

— Знаешь, — тихо сказала она, когда они остановились у старой чугунной ограды, — я раньше думала, что доверие — это когда вообще ничего не боишься. Когда можно выложить всё сразу, одним махом, и тебе скажут: «Я всё пойму». А теперь понимаю, что это не так. Это когда ты можешь сказать: «Мне сейчас тяжело, но я не хочу об этом говорить подробно». И тебя не заставляют выговаривать всё до конца.

Лёша не стал кивать слишком поспешно, не стал говорить «да-да, я понимаю». Он просто посмотрел на неё спокойно, без спешки.

— А я думал, что быть рядом — значит всё время что-то делать, — признался он. — Принести кофе, купить круас-

сан, найти правильные слова. А потом понял: иногда самое важное — это просто не торопить. Не пытаться заполнить тишину, потому что она кажется неловкой. Пусть будет тишина. Пусть будет шаг. Пусть будет просто: я тут, и я не жду, что ты прямо сейчас станешь легче.

Они дошли до сквера и сели на одну из скамеек — не вплотную, но так, чтобы чувствовать, что рядом есть кто-то, кто не исчезнет, если день окажется не таким хорошим, как хотелось бы.

Аня достала из кармана маленький пакетик с печеньем — она купила его по дороге, сама не зная зачем, просто потому, что на витрине оно выглядело по-домашнему уютным.

— Держи, — протянула она Лёше. — Это не круассан и не какао, но... пусть будет. Просто пусть будет.

Он улыбнулся, взял печенье, и в этой улыбке не было ни пафоса, ни попытки сделать момент слишком важным. Просто: *«Спасибо, мне это приятно»*.

— Знаешь, — сказала Аня, глядя на солнечные блики, скользящие по мокрой листве, — мне всё ещё бывает тяжело. Но теперь я начинаю замечать и другое. Что после тяжёлого дня может быть спокойный вечер. Что можно стоять у окна и не чувствовать, что мир давит. Что можно сказать: «Сегодня было непросто», и это не станет приговором всему дню.

Лёша кивнул.

— И я тоже, — тихо добавил он. — Мне всё ещё страшно

иногда. Страшно, что я что-то сделаю не так, что скажу не то, что вдруг ты поймёшь: «Да он вообще не умеет быть рядом». Но когда ты просто сидишь рядом и не ждёшь от меня подвигов — мне становится легче. Как будто можно быть обычным. С ошибками, с паузами, с тем, что иногда хочется просто молчать.

Они посидели так ещё немного, пока солнце медленно скользило по небу, а тени становились короче. Аня вдруг почувствовала, что ей не хочется никуда бежать, не хочется прятать свои чувства за словами «всё нормально». Сегодня ей было позволено сказать: *«Мне было непросто, но сейчас чуть легче»*. И этого хватало.

Когда они встали, чтобы идти обратно, Лёша чуть замедлил шаг, будто хотел продлить этот спокойный момент.

— Если завтра снова будет дождь, — сказал он, — мы можем снова пойти гулять. Или можем сидеть дома и пить горячий чай. Или вообще ничего не делать. Главное, чтобы ты знала: я не исчезну из-за того, что день не солнечный.

Аня улыбнулась — спокойно, без напряжения, как будто эта мысль наконец-то улеглась где-то внутри и перестала быть хрупкой.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что не обещаешь мне вечного солнца. За то, что готов быть рядом и в дождь, и в солнце, и в те дни, когда я просто не знаю, что сказать.

— Пожалуйста, — ответил он просто. — Потому что это и есть самое настоящее: быть рядом не только когда легко,

но и когда тяжело. И не делать вид, что тяжести нет.

Они шли обратно по тихой улице, и город вокруг уже не казался чужим. Он был просто городом — с его мокрыми тротуарами, старыми домами и редкими солнечными пятнами, в которых можно было на минуту почувствовать, что день всё-таки становится чуть светлее.

И пусть это было не «всё хорошо навсегда». Пусть это было только «сегодня чуть легче». Но именно из таких дней и складывалось то самое доверие — по кусочкам, по шагам, по тихим словам, которые не требовали громких обещаний.

День не стал идеальным. Но он стал своим. И этого пока хватало.

Глава 5 Когда тишина перестала пугать

Аня проснулась от того, что в комнате было слишком светло. Не тот резкий, навязчивый свет, который хочется тут же спрятать за шторой, а мягкий, будто осторожный — он не требовал ничего, просто тихо лежал на подушке, на краю одеяла, на стопке книг у кровати.

Она лежала и слушала: в подъезде кто-то тихо разговаривал, лифт мягко гудел, а за окном не было привычного шума ливня — только редкий стук капель по карнизу, будто город сам учился говорить тише. И в этой тишине не звенело напряжение, как раньше. Оно не собиралось в тугую комок где-то под горлом, не шептало: «Вставай, прячь лицо, никому не показывай, что тебе тяжело».

На телефоне снова было сообщение от Лёши. Без пафоса, без «всё будет хорошо», просто: *«Сегодня прохладно. Если хочешь, могу принести что-нибудь тёплое — чай, какао, просто булочку, чтобы было чем занять руки. Или могу вообще ничего не приносить. Просто посижу рядом, если тебе так спокойнее».*

Аня улыбнулась. И эта улыбка получилась не вымученной, не «чтобы не расстраивать», а настоящей — такой, когда внутри что-то чуть-чуть расправляется, как ткань, кото-

рую долго держали скомканной, а теперь аккуратно разгладили.

Она набрала: *«Приходи. И можешь ничего не нести. Просто... пусть будет кто-то, кто не ждёт, что я сразу стану лёгкой».*

Через сорок минут в дверь тихо постучали — не резко, не так, будто надо срочно спасать, а будто: «Я тут, но если ты не готова — я подожду». Аня открыла, и первое, что она заметила, — Лёша не пытался сразу заполнить пространство широкой улыбкой или бодрым «Ну вот, сейчас всё наладится!». Он просто стоял, чуть взъерошенный от ветра, в своей привычной куртке, с пакетом в руке — и смотрел на неё спокойно, без спешки.

— Привет, — сказал он тихо. — Если хочешь, можем просто посидеть. Без разговоров. Или можем про что-нибудь совсем обычное: про погоду, про старые фильмы, про то, какая странная у нас автобусная остановка. Или вообще ни про что.

Аня кивнула и вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не хочется прятать свою усталость за бодрым «Да всё нормально!».

— Знаешь, — выдохнула она, закрывая дверь и будто вместе с ней оставляя снаружи часть тяжести, — сегодня мне правда тяжело. Не так, чтобы всё рушилось, но... как будто плечи стали тяжелее, и я не хочу делать вид, что это не так.

Лёша не стал кивать слишком энергично, не стал гово-

ритель: «Ну-ка, давай, расскажи всё, мы это победим». Он просто снял куртку, аккуратно повесил её на крючок, потом пошёл и сел на край дивана — не вплотную, но так, чтобы быть в одной комнате, в одном воздухе с ней.

— Спасибо, что сказала, — тихо ответил он. — Это ведь тоже смелость — не притворяться.

И тут Аня почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло, как деталь пазла, которая наконец-то встала на место. Не яркая, не громкая, но нужная. Потому что раньше, когда она признавалась, что тяжело, ей казалось, что она добавляет ещё одну проблему, которую нужно срочно решать. А Лёша сейчас не выглядел так, будто ему нужно её «починить». Он выглядел так, будто просто готов быть рядом, пока она дышит через эту тяжесть.

Он достал из пакета маленькую коробочку — в ней оказался кусочек яблочного пирога. Не идеальный, не из модной пекарни, а домашний, с чуть подгоревшей корочкой, от которого пахло корицей и чем-то очень простым, почти забытым.

— Я не знал, что тебе хочется, — признался он, ставя коробочку на стол. — И подумал: пусть будет хоть что-то тёплое. Даже если ты не будешь есть — пусть просто будет.

Аня посмотрела на этот пирог, и вдруг глаза защипало от чего-то совсем не горького, а наоборот — от того, как много может значить одна маленькая забота, в которой нет требования «а теперь будь счастливой».

— Спасибо, — прошептала она, и голос чуть дрогнул, но она не стала его прятать. — Знаешь, я столько лет училась всё держать в себе. Не жаловаться, не быть «неудобной», не просить о помощи, потому что боялась, что меня сочтут слабой. А теперь... теперь мне хочется научиться другому. Не тащить всё одной. И не бояться, что, если я скажу «мне тяжело», ты уйдёшь.

Лёша помолчал, будто давая этим словам лечь ровно, не торопясь их перебивать.

— Я тоже, — тихо признался он. — Я столько лет думал, что быть рядом — значит всё время что-то делать. Спасать, исправлять, говорить правильные слова. А потом понял: иногда самое важное — просто не исчезать. Не делать вид, что тяжести нет. И не обещать, что она исчезнет через пять минут.

Они посидели так немного: Аня — обняв колени, Лёша — опираясь локтями о колени, глядя куда-то вперёд, не на неё, чтобы не давить взглядом. И тишина между ними была не пустой, не давящей, а живой — как будто в ней умещалось столько, сколько нужно: усталость, облегчение, тихое «я не один», «я не одна».

Аня взяла кусочек пирога, откусила — он был чуть кисловатым, с корицей, и этот вкус вдруг стал якорем: вот он, момент, который можно удержать. Не навсегда, не чтобы забыть всё плохое, а просто чтобы почувствовать: сейчас мне чуть легче, потому что рядом есть кто-то, кто не отворачи-

вается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.